

Анастасия Матешко
Андрей Кокотюха

ТРОЙНАЯ ЗАЩИТА

ОХОТА НА ДЕМОНА

ОДЕССКИЙ ДУПЛЕТ

Харьков
«ФОЛИО»
2017

Дело первое

ОХОТА НА ДЕМОНА

Ранее, перед началом истории...

Тёплый летний вечер беды не предвещает.

Но может оказаться последним в жизни каждого из нас.

Человеку свойственно строить планы на жизнь, а не думать о смерти. Даже тем людям, которые сталкиваются с «костлявой старухой» каждый день: врачам, анатомам, военным в зоне боевых действий. Ещё — сыщикам. Операм, чья работа — «топтать землю», подставлять себя под пули и ножи «клиентов», которые редко дают себя повязать, не огрызнувшись. Эти, кстати, тоже упорно не желают понимать очевидного: выбрав тёмную сторону, готовься к тому, что тьма однажды поглотит тебя. Нет, играют. Не принимают вызов — бросают его, считая себя выше, а свою жизнь — полнее, интереснее, насыщеннее, чем у того большинства, которое сидит летом на лавочках у подъездов или в скверах да наблюдают, как сумерки поглощают низкие редкие облака, наваливаются на пёстрые шершавые крыши, просачиваются в узкие колодцы дворов.

Воха Калганов не позволил себе дальше впадать в поэтико-философскую меланхолию. Грязь, вонь и мат... вот и вся поэтика сегодняшней операции. И нужно быть начеку. Сейчас Макс прищучит-таки хитреца Сизого — и на сегодня всё. По домам.

Если повезёт...

Чёрт, опять! Сегодня впервые за годы службы Калганов всерьёз испугался: а что, если застрелят его самого? Везение однажды должно кончиться. Да, у него десятки задержаний, при том — ни царапины, если не считать синяков и ссадин.

Хотя... врёт, царапины были, на всё лицо, одна из бывших жён подарила на прощание острыми ногтями. Но не об этом сейчас. Допустим, молодые девчонки из управления всерьёз верят, что капитан Калганов ловит пули зубами. Только любое везение однажды заканчивается. Так почему бы не сейчас, не здесь, прямо в этом дворе...

Воха поднял голову, посмотрел на облака, и впервые в жизни прошептал что-то наподобие молитвы:

— Господи, если ты есть, пожалуйста, если нынче кому-то должно не повезти, пусть это будет не раб Божий Владимир.

На крыше пятиэтажки, крайней в череде таких же хрущёвок, растянувшихся вдоль проспекта, блеснуло.

Знак.

Бог услышал и отвечает.

Или... открылось чердачное окно.

Из него показалась наголо бритая голова, а затем и вся непропорционально мелкая для такой большой головы фигура. Мужик 40 — 45-ти лет, был одет в майку и спортивные штаны, растянутые на коленках. Тяжело отдуваясь, он оглянулся. Из чердака пахло сыростью и приближающейся смертью. На одно мгновение он замер, раздумывая закрыть ли за собой чердачный люк, затем глотнул воздуха, пригнулся и бросился бежать.

Следом за ним из проёма вынырнул Макс Воропай. Он ловко перемахнул через крышку люка, на ходу доставая пистолет из кобуры. «Постреляем в конце лета. Салют, — мелькнуло некстати, и тут же закончил фразу цитатой из песни: — А лето — это маленькая жизнь». Привычка — вторая натура. Когда Макс нервничал, он вспоминал цитаты из песен. Томка всегда определяла по обрывкам этих цитат, что у Макса на душе.

Но не песни сейчас надо петь.

— Стой, Сизый! Стой! Стрелять буду! — прокричал в сумерки.

Макс знал, что выиграл. Дальше бежать Сизому было некуда. Тот стоял на краю крыши. Он медленно поднимал руки, по-прежнему стоя к Максусу спиной, и того это насторожило. Чутьё оперативника подсказывало, что это ещё не конец.

В резком повороте Сизый выстрелил, опередив Макса на долю секунды. Резкая боль в предплечье разошлась волной по всему телу и Макс зажмурился. Он не увидел, как Сизый зашатался и рухнул с крыши вниз. Голуби, примостившиеся под карнизом, сорвались следом, разлетаясь в разные стороны.

Лето это маленькая жизнь — Макс баюкал руку. На рукаве растекалось тёмно-красное пятно, также как над головой расползался круг закатного солнца. Он заслужил пару мгновений передышки. Внизу Калганов справится без него.

Макс смотрел на город.

Со своего места видел Подол, и где-то под крышами того, что сохранилось от старого города — его дом. Там его ждала любимая женщина. Бирюзовая полоска неба на глазах становилась всё тоньше и тоньше, и пульсировала как жилка на виске у Тома, когда она лежала рядом и требовала, чтобы он вернулся живым.

Это было давно.

Сегодня утром.

Что же, пора возвращаться.

В глубине мрачного двора-колодца, в недрах старого Киева завершилась полицейская операция.

Владимир Калганов, а для друзей просто Воха, ещё не сбросил с себя напряжение последнего часа. Наклонив голову и широко расставив ноги, он смотрел на дверь подъезда, которая качалась и скрипела на одной петле. Калганова раздражала эта дверь, вытесняя все другие мысли и чувства. Он бы отдал всё на свете, чтобы этот скрип прекратился. Наконец, из подъезда одного за другим полицейские выволокли троих задержанных. И Воха вздохнул с облегчением. Размахивая пистолетом, он, подскочил к ним, но ком в горле превратил командный окрик в невнятный хрип. Воха перехватил насмешливый взгляд длинного урки со шрамом на щеке и откашлялся. На этот раз голос не подвёл, и команда прозвучала по всем правилам.

— Руки на бошки! Ноги врозь! Смотреть в стену!

Задержанные подчинились. Воха положил руку на плечо угрюмого урки и развернул его лицом к себе. Умные синие глаза глядели насмешливо. Или Вохе так показалось?

Задержанный покосился на пистолет в руке Калганова.

— На предохранитель поставь. А то меня грохнешь, чего доброго.

Воха глянул на пистолет, хмыкнул и перевёл его в безопасное положение.

— Всё-то ты знаешь.

Улыбка тронула его губы, он пожал плечами и снова прокашлялся, чтобы согнать эту несвоевременную и неуместную улыбку. Нужно было играть свои роли до конца, пока не появился Макс и не позволил снять маски. Воха толкнул умника в спину.

— Смотреть в стену, сказал!

— Э, Воха! Полегче с ним!

Из того же подъезда вышел Макс, придерживая раненную руку.

Ну, вот и всё. Воха на мгновение прикрыл глаза. Все живы. Все трое живы. Слава Богу.

— Что случилось, Макс? Ты ранен?

Калганов поспешил навстречу напарнику. Макс махнул здоровой рукой:

— Так, ерунда.

— Сизый?

Макс не спешил с ответом. Он подождал, пока Воха кивнёт бойцам, разрешая увести задержанных.

— Сизого чуть не упустили. Он засёк засаду и ушёл из квартиры. Открыл огонь. Задел меня маленько. Пришлось бить на поражение.

Воха осторожно прикоснулся к раненной руке Макса.

— Сильно задел?

— Царапина. Только вот Томка всё равно разнервничается. Блин, а ей нельзя сейчас.

Воха кивнул. Он знал, что Макс с Томой ждут ребёнка. Скоро будет четыре месяца, как они все его ждали. И он, и Боб. Эта была их общая радость. Их пропуск в новую жизнь, когда они перестанут рисковать и дурачиться. Воха надеялся, что его позовут в крестные, хотя на месте Макса, он взял бы Боба. Чтобы ни происходило с каждым из них по отдельности — переживалось всеми ими сообща.